

Справедливость наказания: теоретический формат и правоприменительная практика

Т. И. Егорова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
Российская Федерация, 390000, Рязань, Сенная ул., 1

Для цитирования: Егорова, Татьяна И. 2021. «Справедливость наказания: теоретический формат и правоприменительная практика». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 984–1002. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.411>

В статье анализируются теоретические и правоприменительные аспекты справедливости как принципа наказуемости, цели уголовного наказания и общего начала назначения наказания. Основное внимание уделено вопросам назначения, исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Изоляция осужденного в местах лишения свободы рассматривается с точки зрения наиболее распространенного и чувствительного способа уголовно-правового воздействия, позволяющего в ближнесрочной перспективе контролировать и корректировать эффективность применения средств исправления. Особо проанализированы проблемы освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью, пенализации наркопреступлений и компенсаторности наказания как наиболее актуальных и показательных фактов существующей взаимосвязи справедливости с принципами законности и гуманизма. На основании изучения эксклюзии осужденных к лишению свободы исследованы границы справедливости отдельных санкций уголовно-правовых норм, проведена оценка справедливости их применения в связи с возможностями современного правосудия, в том числе с наличием дискретных полномочий суда в части назначения конкретного вида исправительного учреждения. Отмечается, что дискурсивный анализ правовых исследований и эмпирических данных отражает два основных направления реализации справедливости наказания при его эффективном назначении и исполнении: с одной стороны, должно обеспечиваться исправление осужденного в условиях безопасного пенитенциарного процесса, а с другой — существуют деонтические ожидания потерпевшего, общества и государства от воздействия необходимой и достаточной меры уголовного принуждения. Наблюдение результатов авторских исследований, данных судебной практики и статистики не позволяет сделать вывод об абсолютизации справедливости наказания в рассматриваемых аспектах. Вместе с тем перспективным направлением пенитенциарного процесса является усиление индивидуализации и дифференциации исполнения наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, а также значимости и взаимосвязи частных и публичных интересов.

Ключевые слова: справедливость, законность, гуманизм, принципы уголовного права, наказание, лишение свободы, режим.

1. Введение

Требование справедливости как морально-политическая категория возникает при отсутствии баланса значимых социальных интересов и необходимости опре-

деления меры восстановления нарушенных отношений. Объективным условием применимости теории справедливости является существование конфликта в различных областях жизнедеятельности, возникших на основании различных фактов и разрешаемых по выбору заинтересованных сторон.

Справедливость имеет особое значение в уголовно-правовых отношениях, связанных с охраной наиболее важных интересов личности, общества и государства, в большинстве случаев представляющих собой универсальную систему нравственной оценки тяжести преступления и строгости наказания.

Возникновение или существование криминального конфликта всегда затрагивает общественные интересы, ведь именно ради всеобщего блага формировалась и совершенствовалась стратегия применения государственного принуждения к лицу, совершившему преступление. Тем более что восстановить нарушенные общественные отношения или загладить причиненный посягательством ущерб не всегда объективно возможно. Установление обязательных формально определенных правил субсидиарности справедливого принуждения является гарантией ограничения необузданной и ничем не ограниченной репрессии (Гребенкин, Саявук 2017, 34).

Лежащее в основе уголовного наказания чувственное осмысление характера и степени общественной опасности совершенного посягательства позволяет воспринимать принуждение с позиции частной и общественной пользы при сопоставлении вреда, причиненного преступлением, с мерой ответственности. Можно согласиться с родоначальником политической экономии Адамом Смитом в том, что неосознанные побуждения к восстановлению справедливости, заложенные в личности, выражаются в первую очередь в осознании преступления и страхе заслуженного наказания, которые являются важнейшим условием «для охранения общественного спокойствия, для ограждения слабых членов, для обуздания вредных страстей и для наказания виновных в преступлениях» (Смит 1997, 102). С учетом изложенного, требованиями справедливости можно обосновать необходимость нравственного осмысления, определения социальной значимости и нормативного закрепления признаков преступности и наказуемости деяний.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (далее — УК РФ) оперирует понятием «справедливость» в нескольких контекстах. Во-первых, справедливость является принципом уголовного права, во-вторых, социальная справедливость представляет собой одну из целей уголовного наказания, в-третьих, справедливость есть неотъемлемое свойство наказания, реализуемое при его применении и отражаемое в содержании общих и специальных положений УК РФ, при реализации которых исключается аналогия правоприменения и обеспечивается отграничение смежных правовых институтов. Несмотря на существование неизбежных aberrаций и изменений механизма воспроизводства справедливости, большинство правовых систем поддерживает определенный моральный абсолют рассматриваемого понятия, сохраняя за ним смысл «правды или честности» (Кириленко, Алексеев, Пацек 2019, 41).

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 20 февраля, 2020. <http://www.consultant.ru>.

Таким образом, справедливость присуща наказанию как формально-материальной ценности, основанной на нравственной оценке преступного поведения и обосновании нравственного требования к поведению виновного в связи с привлечением к уголовной ответственности, инициативным позитивным действиям после совершения преступления, в том числе в период отбывания наказания.

2. Основное исследование

Определенная судом мера уголовно-правового воздействия обладает качествами, необходимыми для справедливого ограничения и лишения прав и свобод лица. Различные комбинации, последовательность и длительность принуждения образуют оптимальную форму наказания, содержание которого соразмерно характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, личности виновного и другим значимым обстоятельствам.

Субъективно-объективная оценка справедливости усложняется широким кругом заинтересованных в определенной строгости наказания сторон, которые по различным основаниям классификации могут быть представлены по крайней мере личностью, обществом и государством, а также сторонами защиты и обвинения. Ответственность за вынесение справедливого решения, которое способно восстановить все ущемленные интересы, возлагается на органы правосудия.

Исторически представление о справедливости наказания исходило из естественного стремления мщения за причиненную обиду. Еще в ветхозаветном законе справедливость понималась в ее оригинальном содержании, связанном с неотвратимостью действия талиона и возможностью коллективной ответственности (Беспалько 2017). Существенная модернизация в оценке значимости наказания произошла в результате изменения древнего мировоззрения в ходе христианизации политической деятельности государства.

Эпоха Просвещения открыла новые грани справедливости, представления о которой были заложены в древней философии. В итоге данная ценность начала сопоставляться с правами человека и стала неотъемлемой частью достоинства личности в социально ориентированной организации государственного и политического устройства.

Появление в Новое время концепции естественных прав человека определило переосмысление философско-политического знания в части антропологии личности. В связи с этим сформировались предпосылки государственной ответственности за справедливое использование аппарата принуждения в отношении членов общества, «что нашло отражение в развитии института адвокатуры, гуманизации наказания, проведении судебной и тюремной реформ в общеевропейских масштабах» (Павлушков 2014, 57). Положение римского права «Nullum crimen, nulla poena sine lege» («Никакого преступления, никакого наказания без закона») определило границы справедливости в пределах действия запретов на применение обычного права в уголовном судопроизводстве, использования обратного действия уголовного закона, аналогий и формулирования неопределенных уголовно-правовых запретов (Хёффе 2007, 118).

Именно в этом смысле справедливость выступает принципом уголовного права, являясь критерием и гарантом достоинства человека в обществе и правовом

пространстве. Данным обстоятельством обеспечивается возможная и необходимая мера лишения и ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление, с учетом действия позитивного права. Можно согласиться с мнением В. В. Сорокина об определенном субординационном положении справедливости в системе принципов уголовного права, определяющем как законотворческий процесс, так и правоприменительную практику, когда реализация принципа законности создает необходимость обращения к справедливости, а затем к милосердию как самостоятельным и возрастающим этапам формирования правового пространства (Сорокин 2019, 17).

Особенно ценно требование справедливого наказания применительно к существующему сегодня широкому усмотрению в вопросах установления признаков преступления и его отграничения от малозначительных или общественно полезных деяний, выбора меры уголовно-правового воздействия в рамках санкции статьи и дискретной возможности назначения более мягкого наказания или освобождения от уголовной ответственности. В указанных вопросах зачастую лишь внутреннее убеждение судьи, основанное на оценке обстоятельств дела, позволяет не только правильно реализовать букву закона, но и воплотить в акте правосудия смысл и дух уголовно-правового запрета.

С точки зрения уголовного права справедливость выступает одной из основных идей, отражающих закономерность развития цивилизации, выделяющей приоритет ценности личности перед общественными и государственными интересами.

Рассматриваемое преимущество позволяет осуществлять разумное правоприменение общих положений формально определенных правил, которые учитывают различные сферы указанных интересов, законодательно закрепляя право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ) или обоснованный риск (ст. 41 УК РФ), оценку степени возмещения вреда при освобождении от уголовной ответственности (ст. 75, 76 УК РФ и др.) и наказания (ст. 79, 80 УК РФ и др.) и пр. При этом следует учитывать, что само наказание, назначаемое судом, выступает институтом, содержание которого при его исполнении может справедливо трансформироваться, становясь не вполне пропорциональным преступлению (Павлухин 2018, 97).

Положения уголовно-исполнительного права закрепляют возможность законной дифференциации и индивидуализации воспитательного воздействия в период исполнения наказания в виде лишения свободы.

В зависимости от условий отбывания наказания пенитенциарный процесс способен реализовываться в самых разных формах: от покамерного содержания осужденных до их бесконвойного передвижения за пределами исправительного учреждения в рамках одного и того же режима. Таким образом, при аналогичных параметрах назначения лишения свободы на конкретный срок в рамках исправительного учреждения определенного вида данное наказание наполняется совершенно различным содержанием принудительных элементов, в различной степени строго лишая или ограничивая осужденного в передвижении, общении с другими осужденными и внешним миром и т. д. В конечном счете возможна замена наказания более мягким видом и досрочным освобождением.

Актуальной проблемой российских пенитенциарных учреждений выступает освобождение от отбывания наказания осужденных, больных тяжелыми неизлечимыми заболеваниями. Представляется, что в подобных случаях прекращение

принудительного государственного воздействия является исключительно справедливым актом милосердия.

Мы изучили более 120 личных дел с медицинской документацией осужденных, отбывавших наказание в исправительных учреждениях Управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее — УФСИН) России по Рязанской области и ходатайствовавших перед судом об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью. Их анализ показывает, что возраст тяжело больных осужденных не имеет решающего значения для установления тяжести заболевания и степени возможности его излечения. Если для осужденных рассматриваемой категории молодежного возраста (до 40 лет) характерно развитие онкологических заболеваний и прогрессирование осложнений ВИЧ-инфекции, то у осужденных среднего и пожилого возраста наблюдаются обострение и сочетанное протекание хронических заболеваний.

Так, из личного дела и медицинской документации неоднократно судимого осужденного П. Л. А. 1949 г. рождения, осужденного в 2015 г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы, отбывающего наказание в исправительной колонии № 2 УФСИН России по Рязанской области, следует, что в феврале 2017 г. у него на фоне хронических неврологических, сердечных и легочных заболеваний выявлены дисциркуляторная энцефалопатия III стадии, гипертоническая болезнь III стадии 3-й степени риска, эмфизема легких с пневмосклерозом, дыхательная недостаточность 2-й степени. В июне 2018 г. П. Л. А. подал ходатайство об освобождении в связи с болезнью, однако в сентябре того же года наступила смерть осужденного в больнице при исправительной колонии.

Примечательно, что, согласно данным наших исследований личных дел с медицинской документацией осужденных, отбывавших наказание в исправительных учреждениях УФСИН России по Рязанской области, лишь в 35,7 % случаев осужденные, подавшие ходатайство, освобождаются от отбывания наказания в связи с болезнью. В половине случаев суд не успевает рассмотреть ходатайство тяжело больных осужденных об освобождении в связи с их смертью. 14,3 % осужденных отказывают в освобождении в связи с отсутствием фактической возможности пребывания и получения ухода по месту их жительства, отсутствием родственников или необходимых официальных документов.

При освобождении от наказания в связи с болезнью основными критериями принятия судебного решения являются тяжесть соматического заболевания и необходимость получения осужденным специализированной медицинской помощи, недоступной в условиях изоляции; уголовные и уголовно-исполнительные характеристики лица не имеют решающего значения.

Лишь в единичных случаях суд незаконно и необоснованно отказывает в освобождении от наказания при наличии тяжелого, зачастую неизлечимого заболевания. Так, апелляционным постановлением Рязанского областного суда от 15.08.2019 № 22-652/2019 отменено решение нижестоящего суда об отказе в освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного Ф. Г. И., отбывающего наказание (2 года 9 месяцев лишения свободы) в Федеральном казенном лечебно-профилактическом учреждении Б-№ УФСИН России по Рязанской области по ч. 5 ст. 264 УК РФ. Из личного дела следует, что осужденный характеризуется положительно, однако данное обстоятельство не оценено судом. Апелляционная инстанция, обосновывая

решение о наличии заболевания, препятствующего отбыванию наказания, указала, что болезнь прогрессирует, «состояние здоровья осужденного может измениться в худшую сторону в любой момент», распространение метастаз рака мочевого пузыря Ф. Г. И. не имеет места стадирования, носит отдельно-распространительный характер.

Таким образом, опасность дальнейшего развития заболевания для жизни осужденного и невозможность излечения или улучшения состояния при исполнении наказания справедливо оцениваются судом как препятствия к дальнейшему отбыванию лишения свободы.

Наше исследование показало, что осужденные ограничиваются в возможности освобождения по рассматриваемому основанию в основном по трем причинам: 1) стремительное развитие заболеваний; 2) несоответствие представленного для освобождения заключения медицинской комиссии требованиям законодательства; 3) отсутствие фактической возможности получить квалифицированную медицинскую помощь и необходимый уход после освобождения в связи с отсутствием документов, места жительства или родственников, что наряду с учетом тяжести заболевания также оценивается судом при принятии решения.

Как представляется, подобные ситуации дезориентируют процесс исполнения лишения свободы, создавая препятствия для эффективного применения средств исправления, когда наказание существует отдельно от человека и не может рассматриваться как справедливое.

По верному замечанию П. Г. Виноградова, нравственное обоснование справедливости при этом выражается в оказании содействия праву в связи с «индивидуализацией дела», восполнением «имеющихся в праве пропусков» и исправлением «слишком суровых последствий юридических норм» (Виноградов 1915, 155). Данные возможности имеют особенное значение в стремительно изменяющемся обществе и динамично развивающемся мире.

Отдельные уголовно-правовые положения не только не находят отклика у определенной части населения, но и резко критикуются как чрезмерно суровые. Неоднозначную общественную оценку вызывает, например, установление преступности и наказуемости деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Разнообразие информационных источников, пропагандирующих наркопотребление, зачастую основывается на непроверенной или откровенно ложной информации о медицинских, правовых и социальных аспектах наркомании. Однако, находясь в рамках проблемы обеспечения здоровья населения, наркопреступления создают угрозу для общественной безопасности, так как объективно связаны с уровнем и тенденциями распространения опасных инфекционных заболеваний и преступностью.

Справедливость уголовно-правовой охраны рассматриваемой сферы общественных отношений носит достаточно дискуссионный характер. Достаточно отметить, что за все время существования ст. 228¹ УК РФ, введенной Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ, наиболее строгое наказание в виде пожизненного лишения свободы, предусмотренное ч. 5 указанной статьи, не применялось судами ни разу. Несмотря на некоторое уменьшение показателей применения лишения свободы в отношении лиц, совершивших незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, с 42,3 % в первом полугодии

2015 г. до 40,1 % в аналогичный период 2019 г., тревожными выглядят тенденции назначения длительных сроков лишения свободы². Так, в первом полугодии 2019 г. 7 % осужденных рассматриваемой категории назначено лишение свободы сроком 5–8 лет и 4,4 % — 8–10 лет (5,9 % и 3,5 % соответственно в первом полугодии 2015 г.)³. Ужесточение наказания, безусловно, отражает расширение агрессивных и дерзких проявлений наркопреступности, связанной с организованным распространением наиболее концентрированных наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (Готчина 2017, 771).

О складывающейся наркоситуации и тенденциях правоприменительной практики свидетельствует достаточно высокий уровень числа осужденных рассматриваемой категории в российских пенитенциарных учреждениях. В настоящее время в местах лишения свободы данные лица составляют около четверти всего «тюремного населения».

С учетом территориальной и пограничной протяженности России и структуры народонаселения лишь комплексное и бескомпромиссное противодействие наркопреступности может дать положительный антикриминологический эффект. В связи с этим степень общественной опасности наркотизации российского общества имеет вполне справедливый ответ — достаточно суровые меры уголовного принуждения, принимаемые с целью защиты правопорядка и благополучия населения.

В международных документах по правам человека содержатся нормы, предусматривающие важность целеполагания при обосновании ограничений прав и свобод личности, в том числе применения государственного принуждения. Так, во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) указывается, что ограничения устанавливаются «исключительно с целью обеспечения должного признания прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния» (ст. 29). В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) отмечается, что ограничения не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены (ст. 18).

Требование восстановления справедливости как цели уголовного наказания соответствует естественному предназначению уголовного права, охраняющего наиболее важные и ценные частные, общественные и государственные интересы. Их характер и степень значимости должны быть объективно отражены в строгости мер принуждения.

Данное обстоятельство, отвечающее элементу возмездия, по мнению А. В. Наумова, «соответствует в определенной мере и цели восстановления социальной справедливости» (Наумов 2013, 42). В отличие от частной мести, наказание спо-

² «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ за I полугодие 2019 г. Форма 6-МВ-НОН. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2019 г.». Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 20 февраля, 2020. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081>.

³ «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» за I полугодие 2015 г. Форма 6-МВ-НОН. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2015 г.». Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 20 февраля, 2020. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3212>.

собно восстановить социальную справедливость таким образом, чтобы укрепить авторитет формально определенных правил поведения, продемонстрировать обществу возможность защиты регулируемых и охраняемых правом отношений, поддержания правопорядка с помощью средств публичной власти. В то же время восстановление социальной справедливости, являясь приоритетной целью наказания, позволяет в случае одобряемого обществом наказания осуществить социальную реабилитацию осужденного, обеспечить превентивное воздействие приговора на неустойчивых лиц и моральное удовлетворение потерпевших.

Вопрос о существовании компенсаторного предназначения уголовного права остается дискуссионным. Положительный ответ на него, как представляется, означает наличие готовности уголовно-исполнительной и административной системы к реализации контролирующих и принудительных функций исполнения судебного решения. К сожалению, следует констатировать отсутствие материальной основы для широкого включения частного потерпевшего в круг уголовно-правовых отношений.

Вместе с тем возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением, расценивается современным уголовным законодательством как один из критериев правоприменения. Наиболее спорным остается вопрос степени учета полного или частичного возмещения вреда потерпевшему при смягчении принуждения или освобождении от него.

По данным нашего исследования личных дел осужденных, проведенного в 2019 г. в исправительной колонии строгого режима № 2 УФСИН России по Рязанской области для мужчин, у всех осужденных, имеющих долг по исполнительным листам, удерживается часть заработной платы. Никаких дополнительных мер для заглаживания ущерба потерпевшим должники не предпринимают. Данное обстоятельство представляется не вполне справедливым. С учетом доходов осужденных, которые в зависимости от трудоустроенности получают заработную плату в размере от 5 тыс. до 10 тыс. руб., размер удержаний с трудоустроенных по исполнительным документам о возмещении ущерба, причиненного преступлением, может составлять до 70 %, т. е. от 3,5 тыс. до 7 тыс. руб. в месяц.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», «если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания только на этом основании». Подобное указание содержится также п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»: «В тех случаях, когда вред, причиненный преступлением, по гражданскому иску не возмещен в силу таких объективных причин, как инвалидность осужденного или наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству, невозможность трудоустройства из-за ограниченного количества рабочих мест в колонии и т. п., суд не вправе отказать в изменении вида исправительного учреждения только на этом основании».

Рассматриваемые разъяснения вызывают определенные возражения, так как «происходит ущемление прав потерпевших, законопослушных граждан. Устанавливая подобные нормы, государство должно понимать возможные последствия, приводящие к нарушению социальной справедливости» (Антипов, Макаренко 2018, 35).

На практике возникают ситуации, когда миллионные долги осужденных выплачиваются в незначительном размере. Подобная ситуация наиболее характерна при возмещении ущерба, причиненного корыстными преступлениями.

Так, из личного дела осужденного Г. В. В. следует, что он неоднократно судим по ст. 159 УК РФ, в 2014 г. вновь был осужден судом по ч. 4 ст. 159 (восемь эпизодов), ч. 1 ст. 322 УК РФ и приговорен к 10 годам лишения свободы со штрафом в размере 150 тыс. руб. с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Общая сумма задолженности по исполнительным листам в отношении него составляла более 34 млн руб. Осужденный положительно характеризовался, в колонии был трудоустроен, систематически получал поощрения за добросовестный труд. В соответствии с законом Г. В. В. последовательно переведен из колонии строго режима в колонию общего режима, а затем — в колонию-поселение. В решениях об изменении осужденному вида исправительного учреждения суд обосновано указал, что осужденный вину по приговору признал полностью, принимает меры к погашению иска. Тогда как на начало 2018 г. ущерб, причиненный преступлением Г. В. В., заглажен менее чем на 1 %.

В подобных обстоятельствах многие потерпевшие, как представляется, не найдут не только материального возмещения причиненного преступлением вреда, но и морального удовлетворения от справедливости наказания. Однако справедливость, присущая наказанию, должна быть реализуема не только при его назначении, но и при исполнении, исходя из права потерпевших на справедливость (Музычук, Кулачков 2017, 445).

Все указанное, конечно, не позволяет провозглашать исключительную компенсаторность наказания, характерную для восстановительного правосудия, «которое сосредоточено прежде всего на потребностях жертв и затронутого преступным деянием сообщества» (Лысова, Кури 2018, 810).

Вместе с тем справедливо ожидать от осужденных активного поведения в части примирения с потерпевшими, моральных компенсаций, извинений и т. п. Именно указанные действия, как представляется, «приводят к восстановлению общественных отношений, а в широком смысле правопорядка в целом» (Малько, Липинский 2018, 11). В числе прочего, справедливость уголовного принуждения обеспечивает его эффективность, удерживая преступника и других лиц от совершения новых преступлений (Разгильдиев 2017, 549).

Абсолютно компенсаторный характер, по нашему мнению, имеет лишь один вид наказания: лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Его предназначением является разрыв позитивной публичной связи с осужденным в связи с утратой предоставленного ему до совершения преступления социального доверия и подрывом авторитета государственной власти.

Так, приговором от 22.04.2019 Богучанского районного суда Красноярского края по делу № 1-36/2019 виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, признан Ш. Н. В. Судом установлено, что он, являясь

заместителем начальника управления безопасности Главного управления ФСИН по Красноярскому краю, прибыл в служебную командировку в одно из исправительных учреждений для проведения проверки организации. В ходе проверки ему стало известно, что шестеро осужденных нарушают режим содержания, отказываясь делать физическую зарядку. В связи с внезапно возникшим неприязненным отношением к указанным осужденным, Ш. Н. В. поочередно завел их в душевую комнату, где, используя нецензурную лексику, высказал им угрозы применения насилия, применил жестокое обращение, причинившее физическую боль.

Органам, осуществляющим уголовное преследование, стало известно о данном факте совершения преступления лишь в 2018 г., когда соответствующая видеозапись была размещена в Youtube под названием «Пытки в Красноярске. Заместитель начальника ГУФСИН и его подчиненные пытаются осужденных (служебное видео)». Указанное видео широко обсуждалось в СМИ, вызвало существенный общественный резонанс.

Мотивируя принимаемое решение о назначении дополнительного наказания в виде лишения специального звания «подполковник внутренней службы», суд обоснованно указал, что Ш. Н. В. совершил тяжкое преступление, причинив ущерб репутации сотрудников уголовно-исполнительной системы и существенно нарушив права граждан.

Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в связи с совершением преступлений позволяет снять с общества ответственность социальной поддержки в отношении лиц, имеющих указанные отличия.

Очевидно, что восстановление социальной справедливости обладает свойством диалогичности, раскрывающей морально-этическое предназначение и необходимость применения, предусмотренного уголовным законом государственного принуждения, его неотвратимость и определенную строгость. Законодательная конструкция уголовно-правовых предписаний должна отвечать достаточности уголовно-правового воздействия, ободряемого обществом и обеспечивающего общую и частную превенцию.

Цивилизационный запрос на социоцентричность наказания как уголовно-правового института подкрепляется межотраслевыми положениями, устанавливающими, например, возможность заявления в уголовном процессе гражданско-правовых требований возмещения вреда, причиненного вследствие совершения преступления, административно-правовых запретов и ограничений на участие в общественной жизни лиц, имеющих снесённые и непогашенные судимости, и т. д.

Вместе с тем социальная справедливость позволяет обосновать меру наказания с учетом ее значимости для общественных и государственных интересов, а также лица, совершившего преступление, в балансе требований правопорядка и безопасности, с одной стороны, и стремления к социальной реабилитации и адаптации осужденных — с другой.

В связи с этим вполне обоснованными представляются современные тенденции гуманизации наказания, увеличения доли наказаний, альтернативных лишению свободы.

Широкое применение лишения свободы, несмотря на его высокую карательную и превентивную эффективность, обладает рядом негативных свойств. От-

бывание длительных сроков лишения свободы сопряжено со сложными переживаниями эксклюзии осужденных, психологическими изменениями, трудностями социальной адаптации, а также сохраняющимися барьерами на пути социальной интеграции, особенно в сфере трудоустройства. Спустя десятилетие после освобождения некоторые из осужденных все еще испытывают серьезные трудности: не могут примириться с потерянными возможностями в прошлом и найти цели в будущем (Grounds, Jamieson 2003, 347).

По данным нашего исследования, проведенного в исправительной колонии строго режима № 2 УФСИН России по Рязанской области для мужчин, у 81 % осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, по инициативе супруг распадаются семьи. Кроме того, из числа лиц, которые имеют какую-либо профессию, не могут работать по специальности около 68 %. С учетом низкого социального статуса большинства взрослых осужденных до совершения преступления, после отбывания наказания многие из них также окажутся в сложной жизненной ситуации из-за отсутствия семейных связей и прерванного квалификационного трудового стажа.

Взаимное проникновение содержания уголовно-правовых принципов обеспечивает учет при реализации справедливости наказания иных основополагающих идей современного права, позволяющих на основании законного, равного, гуманного наказания достигать политических целей в интересах всего общества. Назначение наказания должно быть логическим продолжением справедливого функционирования уголовно-правовой превенции. Условием данной деятельности являются рамки наказуемости деяния, отраженные, в частности, в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Проблема уяснения справедливости некоторых законодательных конструкций возникает, например, при отсутствии нижнего предела срока или размера наказания, что, по верному замечанию А. И. Рарога, выступает «грубым нарушением принципа законодательной дифференциации наказания» (Рарог 2013, 25).

На фоне пробелов «в законодательном регулировании назначения наказания» (Брестер, Юришина 2018, 542) особенно критичной выглядит данная проблема в санкциях статей, где верхний предел наказания установлен в 15 лет лишения свободы, а нижний не определен. Подобная ситуация характерна для ч. 4 ст. 111, ч. 2 ст. 165, ч. 3 ст. 186 УК РФ. Очевидно, что данные преступления совершенно различны по характеру опасности для охраняемых уголовно-правовыми нормами интересов личности, общества и государства. Поэтому приведенный яркий образец несправедливо сконструированной санкции, имитирующей возможность применения низшего предела наказания, часто не позволяет оценивать национальное законодательство с точки зрения соответствия потребностям реализации позитивной и негативной уголовной ответственности (Минязева 2014, 57).

Требования общих начал назначения наказания подразумевают назначение более строгого наказания только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Исходя из законодательной формулировки санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ, можно сделать вывод, что при прочих равных условиях (*ceteris paribus*) и отсутствии каких-либо особенностей, позволяющих уникально индивидуализировать наказание, нижний его предел сроком в два месяца является наиболее адекватным отражением характера и степени об-

щественной опасности причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть человека. Конечно, такой законодательный подход не вполне объясним разумными доводами.

Складывающаяся судебная практика демонстрирует достаточно критический взгляд на иррациональную позицию законодателя, отражая «расхождения фактической и законодательной пенализации» (Плаксина 2018, 200). Более чем в 90 % случаев совершения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, наказание назначается сроком свыше трех лет лишения свободы⁴.

Однако вопреки приведенному подходу в абсолютном большинстве вариантов широкое судебное усмотрение в вопросах назначения лишения свободы ограничивается вполне разумными пределами санкций статей Особенной части УК РФ. Так, при верхнем пределе наказания в виде лишения свободы сроком в 15 лет нижний предел обычно составляет 5, 6, 8 или 10 лет. Как представляется, подобный подход достаточно справедлив для санкций аналогичных уголовно-правовых норм, что может обеспечить системность уголовно-правового регулирования.

Рациональное регулирование и разумная дифференциация лишения свободы обеспечивают допустимую меру безопасности и предсказуемости в социально-политической жизни общества. Системное нормативно-правовое регулирование позволяет сформировать необходимые определенность, точность и единообразие правоприменения. Конечно, эти обстоятельства не дают повода считать, что «существуют четко установленные нормы для любой возможной ситуации и что судья просто должен отыскать соответствующую норму и механически применить ее к делу, которое он в данный момент рассматривает» (Ллойд 2009, 267). Однако более конкретное законодательное предписание позволяет справедливо отражать интересы личности, общества и государства в отношении наиболее чувствительных вопросов принуждения.

В 2016 г. на базе Академии ФСИН России исследовательская группа под руководством Ю. М. Антоняна провела анкетирование более тысячи осужденных, отбывающих наказание в российских пенитенциарных учреждениях (Антонян 2017, 69). Результаты обобщения позволяют сделать вывод, что большинство осужденных оценивают вынесенное в отношении них судебное решение как не очень справедливое (34,2 %) и справедливое (32,1 %). Вместе с тем примечательно, что в большинстве случаев осужденные признают справедливым приговор, в котором назначенное наказание ниже среднего размера наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ. Однако даже в данном случае не все рассматривают наказание как справедливое.

Около 18,3 % респондентов называют вынесенный приговор незаконным, 11,7 % осужденных затрудняются в оценке справедливости назначенного им наказания. В ходе обобщения выявлены также мнения осужденных, которые не признают себя виновными в совершении вмененного им преступления. В анкетах они отмечают «преступление не совершал», «невиновен». На практике указанное об-

⁴ «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за I полугодие 2019 г. Форма 10.3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2019 г.». Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. 2020. Дата обращения 20 февраля, 2020. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081>.

стоятельство в большинстве случаев не имеет объективного основания и является способом обычного самооправдания.

Однако, по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за I полугодие 2019 г.⁵, в апелляционном порядке обжаловано 63 180 приговоров. В 1765 случаях (2,8 %) обвинительный приговор отменен с направлением дела на новое судебное разбирательство, в 80 случаях (0,14 %) вынесен оправдательный приговор, в 58 (0,09 %) — дело прекращено по реабилитирующим основаниям. Судами кассационной и надзорной инстанции за анализируемый период рассмотрено 5328 и 107 обжалуемых решений по уголовным делам, из них 448 (8,4 %) и 12 (11,2 %) соответственно направлены для пересмотра в нижестоящие суды. В кассационном порядке 39 (0,73 %) уголовных дел прекращено по реабилитирующим основаниям.

Очевидно, что вопрос о судебной ошибке в отношении осужденных, отбывающих наказание, заслуживает самого внимательного изучения. Его разрешение находится не только в рамках исследования проблем «волевой активности судьбы» (Попова, Калашникова 2018, 124), допускающего неправосудное решение, но и современной системы судопроизводства, зачастую не исключающей разумные сомнения и возможность устранения допущенных органами предварительного расследования ошибок, «когда значительно усечены гарантии постановления справедливого приговора» (Степаненко, Лавдаренко 2017, 291).

Не все возможности дифференциации и индивидуализации наказания можно справедливо предусмотреть в санкциях статей. Показательным является использование законодателем предписаний Общей части УК РФ, касающихся определения условий отбывания лишения свободы и замены наказаний. Очевидно, что за совершение преступлений одинаковых видов и категорий отбывание наказания может быть назначено в исправительных учреждениях различных режимов. Использование подобной возможности справедливого назначения наказания с учетом требований Общей части УК РФ наиболее наглядно просматривается в судебной практике назначения вида исправительного учреждения за совершение преступлений небольшой тяжести. Несмотря на сравнительно низкую общественную опасность рассматриваемых посягательств, общее количество осуждений к лишению свободы за их совершение составляет около 25 %⁶ от всех случаев назначения рассматриваемого наказания.

Анализ судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует, что в I полугодии 2019 г. за совершение преступлений небольшой тяжести осужденным назначено отбывание лишения свободы в колонии-поселении в 4840 случаях, колонии общего режима — 4479, колонии строгого режима — 11 306, колонии особого режима — 268, тюрьме — 5. Следовательно, дифференциация видов исправительных учреждений позволяет суду наиболее справедливо определять объем принуждения в каждом конкретном случае совершения преступления.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Владимира от 29.10.2018 по делу № 1-341/2018 виновным в преступлении небольшой тяжести, предусмотрен-

⁵ «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за I полугодие 2019 г. Формы 6, 8, 8-н. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2019 г.». Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. 2020. Дата обращения 20 февраля, 2020. <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=5081>.

⁶ Там же. Форма 10.3.

ном ч. 1 ст. 109 УК РФ, признан К. А. С., отбывающий наказание в ИК-3 Управления ФСИН России по Владимирской области. Судом установлено, что он в ходе внезапно возникшей ссоры на почве личных неприязненных отношений два раза толкнул руками в грудь потерпевшего, которому в результате падения на металлическую обувную полку нанесены телесные повреждения, причинившие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. К. А. С. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 9 месяцев. На основании ст. 70 УК РФ окончательно по совокупности приговоров определено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 11 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Вместе с тем вызывает сомнения обоснованность существующей в России меры наказания, связанной с назначением отбывания виде лишения свободы в колониях-поселениях. Отсутствие при исполнении данного наказания элемента охраны и недостаточные ограничения режимного характера создают предпосылки для формирования широкого правового статуса осужденных в условиях полусвободного режима и нетипичной (облегченной) изоляции осужденных от общества (Южанин 2018, 19).

Однако правовая регламентация рассматриваемого института имеет глубокие идеологические и политические основы. В связи с этим Конституционный Суд РФ поддерживает принципиальность применения именно лишения свободы, а не иного вида наказания за деяния против личности, указывая, что в противном случае «искаленные жертвы неосторожных преступлений, близкие погибших и часть общества с вероятностью не найдут справедливого возмездия. Судам эти настроения небезразличны»⁷. Здесь отражается определенная культурная традиция справедливого наказания, которая, по верному определению Г. С. Грея и А. Т. Салола, конструируется, переживается и интерпретируется с помощью законодательства в общественном сознании (Gray, Salole 2006, 661).

Наряду с разумным ограничением масштабов применения лишения свободы, справедливым представляется усиление репрессивной реакции государства на совершение преступлений отдельных видов. Анализ отечественных законодательных тенденций в части правового регулирования лишения свободы позволяет сделать вывод, что актуальными проблемами являются вопросы ужесточения наказания за наиболее опасные проявления организованной и международной преступности.

В частности, данное обстоятельство касается расширения возможностей назначения тюрьмы в качестве вида исправительного учреждения. Например, Федеральным законом от 27.12.2018 № 569-ФЗ «О внесении изменений в ст. 58 и 72 УК РФ» введена новая ч. 2¹ ст. 58 УК РФ. В отличие от ранее действовавших правовых норм, данное правило распространяется на осужденных, которым назначено наказание в виде лишения свободы на срок менее пяти лет. Законодатель, как и ранее, не определяет конкретные, кроме вида преступления, основания для подобного правоприменительного решения. Данное полномочие остается дискретным, не закреплены случаи, когда суд обязан назначить отбывание части наказания в тюрьме, учитывая, например, кратность преступления и опасность рецидива.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу “Анчугтов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции РФ».

Согласно официальной статистике ФСИН, всего в восьми тюрьмах с лимитом наполнения в 3478 осужденных в последние годы отбывают наказание около тысячи осужденных, составляющих менее 0,2 % лиц, находящихся в национальных пенитенциарных учреждениях⁸.

Анализ качественного состава осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволяет утверждать, что наиболее значимыми критериями назначения тюрьмы в качестве учреждения для отбывания части срока лишения свободы выступают совершение особо тяжкого преступления и наличие особо опасного рецидива в действиях виновного; лица с неснятыми и непогашенными судимостями за ранее совершенные преступления среди осужденных к тюремному заключению составляют немногим более половины. Таким образом, наличие даже неоднократного рецидива преступления не является обязательным критерием определения данного вида исправительного учреждения. В указанных случаях для суда решающее значение приобретает не столько наличие или отсутствие судимости, сколько тяжесть и опасность совершенного преступления.

Справедливая дихотомичность лишения свободы предполагает определение конкретного тюремного срока, часть которого относительно всего срока наказания не ограничена каким-либо образом законодателем. Судебной практике известны случаи, когда срок назначенного отбывания наказания в тюрьме составляет более половины всего срока лишения свободы.

Так, приговором Облученского районного суда Еврейской автономной области от 07.05.2019 по делу № 1-4/2019 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 УК РФ, признан Е. С. В. На основании ст. 70 УК РФ окончательно назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием части срока (три года) в тюрьме, а оставшейся части наказания в исправительной колонии строгого режима.

В связи с этим особенно остро стоит проблема пенитенциарного рецидива. Очевидно, что совершение преступления при отбывании наказания в виде лишения свободы не только подрывает порядок исполнения наказания, но и демонстрирует устойчивость криминальной ориентации личности осужденного. С учетом данного обстоятельства обоснованным представляется законодательное закрепление обязательного назначения отбывания части наказания в тюрьме для осужденных, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление в условиях исправительного учреждения. В качестве следующего шага ужесточения ответственности за совершение пенитенциарного рецидива можно рассматривать установление ограничений условно-досрочного освобождения при совершении преступлений рассматриваемых категорий. Вместе с тем формулирование указанных предложений должно соответствовать разумному подходу к индивидуализации применения наказания к наименее защищенным категориям осужденных, таким как несовершеннолетние и пожилые, а также женщины, имеющие малолетних детей, что требует проведения дополнительных глубоких научных исследований.

⁸ Раздел 1. Сведения о количестве учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, СИЗО и характеристике содержащихся в них лицах (форма ФСИН-1). Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2019 г. (документ не публиковался, доступен во внутриведомственной автоматизированной информационной системе «Статистика УИС»).

Наличие дискретных полномочий суда способствует справедливому наказанию с учетом требований индивидуализации уголовно-правового воздействия, консолидация которых образует основание уголовного правоприменения.

3. Выводы

Уголовному закону требуется наличие различных механизмов, позволяющих учитывать обстоятельства совершения преступления при определении достаточной и необходимой меры справедливого лишения или ограничения прав и свобод осужденного, чтобы «возвратить как обществу, так и пострадавшему лицу чувство и сознание господства справедливости» (Бернер 1865, 560). Следует согласиться с мнением И. А. Ильина, что «справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества» (Ильин 1993, 67).

Справедливость наказания является комплексным уголовно-правовым институтом, реализация которого способна при гармоничном сочетании справедливости, законности, гуманизма, индивидуализации и дифференциации назначения и исполнения уголовно-правового принуждения укрепить авторитет государственной власти и закона, способствовать предупреждению преступлений, обеспечить реабилитацию преступника перед обществом и защитить потерпевших.

Нарушение баланса правоохраняемых благ предполагает восстановление социальной справедливости посредством обоснования меры принуждения с учетом личных, общественных и государственных интересов. Данное требование имеет абсолютный характер, в отличие от цели исправления и предупреждения преступлений, ограниченных рамками наказуемости совершенного общественно опасного деяния.

Вместе с тем российское уголовное законодательство предоставляет правоприменителю широкий, зачастую необоснованный, простор судебного усмотрения при формулировании относительно-определенных положений или дискретных полномочий, которые отражают политико-правовую коррекцию содержания наказания с учетом актуальных социальных тенденций. Данное обстоятельство предполагает реализацию при назначении справедливого наказания всей совокупности правовых принципов, позволяющих индивидуализировать и дифференцировать исполнения наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, а также значимости частно-публичных интересов.

Библиография

- Антипов, Алексей Н., Тамара Д. Макаренко. 2018. «О некоторых направлениях совершенствования уголовно-исполнительной системы России». *Всероссийский криминологический журнал* 12 (1): 32–42.
- Антонян, Юрий М., ред. 2017. *Личность осужденного*. М.: Юрлитинформ.
- Бернер, Альберт Ф. 1865. *Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная*. СПб.: Типография Н. Тиблена и компании.
- Беспалько, Виктор. 2017. «Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея». Дис. ... канд. юрид. наук, Российская таможенная академия.

- Брестер, Александр А., Елена А.Юришина. 2018. «Критерии, лежащие в основе принятия решения о наказании: эмпирический анализ правоприменительной практики». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 9 (4): 535–553.
- Виноградов, Павел Г. 1915. *Очерки по теории права*. СПб.; М.: Товарищество А. А. Левенсон.
- Готчина, Лариса В. 2017. «Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз». *Всероссийский криминологический журнал* 11 (4): 767–775.
- Гребенкин, Федор Б., Леонид К. Савюк. 2017. «И. А. Ильин о насилии и различных формах принудительного воздействия». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 2: 30–47.
- Ильин, Иван А. 1993. *Избранные статьи*. М.: Воениздат.
- Кириленко, Виктор П., Георгий В. Алексеев, Максим Пацек. 2019. «Естественное право и кризис либерального правопорядка». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 10 (1): 38–54.
- Ллойд, Дэннис. 2009. *Идея права*. Пер. с англ. М.: Книгодел.
- Лысова, Александра В., Кури Хельмут. 2018. «Препятствия на пути развития восстановительного правосудия: сравнительный анализ России, Канады и Германии». *Всероссийский криминологический журнал* 12 (6): 806–816.
- Малько, Александр В., Дмитрий А. Липинский. 2018. «Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 39: 6–35.
- Миняева, Татьяна Ф. 2014. «Пределы вариантности уголовно-правовых санкций». *Евразийская адвокатура* 5: 56–60.
- Музычук, Татьяна Л., Вадим В. Кулачков. 2017. «Самосуд в России: историко-правовой опыт (по материалам западного региона)». *Всероссийский криминологический журнал* 11 (2): 444–450.
- Наумов, Анатолий В. 2013. «Содержание и пределы модернизации концепции наказания (в контексте истории и современности)». *Человек: преступление и наказание* 3 (82): 40–43.
- Павлухин, Анатолий Н. 2018. «Цели наказания и возможности их достижения в российском уголовном праве». *Закон и право* 5: 95–101.
- Павлушков, Александр Р. 2014. «Реализация принципа справедливости наказания в церковном, светском и традиционном праве». *Человек: преступление и наказание* 4 (87): 53–58.
- Плаксина, Татьяна А. 2018. «Практика назначения наказания за особо тяжкие преступления против жизни в Российской Федерации: состояние и тенденции». *Вестник Томского государственного университета* 433: 199–206.
- Попова, Татьяна В., Анна С. Калашникова. 2018. «Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей». *Психология и право* 8 (1): 119–127.
- Разгильдиев, Бяшир Т. 2017. «Фундаментальные аспекты уголовного наказания». *Всероссийский криминологический журнал* 11 (3): 542–550.
- Рарог, Алексей И. 2013. «Законодательные атаки на устои уголовного права». *Государство и право* 1: 24–32.
- Смит, Адам. 1997. *Теория нравственных чувств*. М.: Республика.
- Сорокин, Виталий В. 2019. «Принципы юридической ответственности: новые критерии классификации и субординации». *Вестник Томского государственного университета. Право* 33: 15–25.
- Степаненко, Диана А., Людмила И. Лавдаренко. 2017. «К вопросу о векторе развития российского уголовного судопроизводства». *Всероссийский криминологический журнал* 11 (2): 388–397.
- Хёффе, Отфрид. 2007. *Справедливость: Философское введение*. Пер. с нем. М.: Практикс.
- Южанин, Вячеслав Е. 2018. «Исправительная колония-поселение — разновидность лишения свободы». *Вестник института: преступление, наказание, исправление* 1 (41): 18–25.
- Gray, Garry C., Abigail T. Salole. 2006. «The local culture of punishment: an ethnography of criminal justice worker discourse». *British Journal of Criminology* 46 (4): 661–679.
- Grounds, Adrian, Ruth Jamieson. 2003. «No sense of an ending: researching the experience of imprisonment and release among republican ex-prisoners». *Theoretical Criminology* 3 (7): 347–362.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2020 г.;
рекомендована в печать 2 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Егорова Татьяна Игоревна — канд. юрид. наук; madamti62@yandex.ru

Justice of punishment: Theoretical format and law enforcement practice

T. I. Egorova

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service,
1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russian Federation

For citation: Egorova, Tatyana I. 2021. “Justice of punishment: Theoretical format and law enforcement practice”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 984–1002.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.411> (In Russian)

The article analyzes the theoretical and law enforcement aspects of justice as a principle of punishability, the purpose of criminal punishment and the general commencement of sentencing. The primary focus is the issues of appointment and execution of punishment in the form of imprisonment. The problems of exemption from serving a sentence due to illness, penalization of drug crimes and compensatory punishment as the most relevant and illustrative facts of the existing relationship of justice with the principles of legality and humanism are analyzed in particular. Based on the study of the exclusion of persons sentenced to imprisonment, the boundaries of the fairness of individual sanctions of criminal law norms were studied, and the fairness of their application was evaluated in connection with the possibilities of modern justice, including the presence of discrete powers of the court in terms of assigning a specific type of correctional institution. It is noted that the discursive analysis of legal studies and empirical data reflects two main directions for the implementation of justice of punishment in its effective appointment and execution: on the one hand, the correction of the convicted person in a safe penitentiary process should be provided, and on the other, there are deontic expectations of the victim, society and the state from the impact of necessary and sufficient measures for criminal coercion. Observation of the results of the author’s research, data from judicial practice and statistics does not allow us to draw a conclusion about the absolutization of the justice of punishment in the considered aspects. However, a promising focus of the penitentiary process is the increased individualization and differentiation of punishment based on the nature and degree of public danger of the crime, as well as the importance of private-public interests.

Keywords: justice, legality, humanism, principles of criminal law, punishment, imprisonment, regime.

References

- Antipov, Aleksei N., Tamara D. Makarenko. 2018. “On some areas of improvement of the criminal Executive system of Russia”. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 12 (1): 32–42. (In Russian)
- Antonyan, Iurii M., ed. 2017. *The identity of the convicted person*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Berner, Albert F. 1865. *Criminal law textbook. Parts Common and Special*. St. Petersburg, N. Tiblen i kompaniia Publ. (In Russian)
- Bespalko Viktor. 2017. “The doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses”. PhD Thesis, Rossiiskaia tamozhennaia akademiia. (In Russian)
- Brester, Aleksandr A., Elena A. Yurishina. 2018. “Criteria underlying decision making on punishment: Law enforcement practice empirical analysis”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 9 (4): 535–553. (In Russian)
- Gotchina, Larisa V. 2017. “Criminological characteristics of Russian drug crime: structure, dynamics and forecast”. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 11 (4): 767–775. (In Russian)

- Gray, Garry C., Abigail Ts. Salole 2006. "The local culture of punishment: an ethnography of criminal justice worker discourse". *British Journal of Criminology* 46 (4): 661–679.
- Grebenkin, Fedor B., Leonid K. Saviuk. 2017. "I. A. Ilyin on violence and various forms of coercive influence". *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 2: 30–47. (In Russian)
- Grounds, Adrian, Ruth Jamieson. 2003. "No sense of an ending: researching the experience of imprisonment and release among republican ex-prisoners". *Theoretical Criminology* 3 (7): 347–362.
- Höffe, Otfried. 2007. *Justice: a Philosophical introduction*. Rus. ed. Moscow, Praksis Publ. (In Russian)
- Il'in, Ivan A. 1993. *Selected articles*. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russian)
- Iuzhanin, Viacheslav E. 2018. "A penal colony-settlement is a type of deprivation of liberty". *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* 1 (41): 18–25. (In Russian)
- Kirilenko, Viktor P., Georgy V. Alekseev, Maxim Pacek. 2019. "Natural law and the crisis of liberal law and order". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 10 (1): 38–54. (In Russian)
- Lloyd, Dennis. 2009. *The idea is right*. Rus. ed. Moscow, Knigodel Publ. (In Russian)
- Lysova, Aleksandra V., Helmut Kuri. 2018. "Obstacles to the development of restorative justice: a comparative analysis of Russia, Canada, and Germany". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 12 (6): 806–816. (In Russian)
- Malko, Aleksandr V., Dmitrii A. Lipinskii. 2018. "Legal and religious regulation: interaction, contradictions and responsibility of subjects of public relations". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 39: 6–35. (In Russian)
- Miniazeva, Tatiana F. 2014. "The limits of alternativeness of criminal and legal sanctions". *Evraziiskaia advokatura* 5: 56–60. (In Russian)
- Muzychuk, Tatiana L., Vadim V. Kulachkov. 2017. "Lynching in Russia: historical and legal experience (based on materials from the Western region)". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 11 (2): 444–450. (In Russian)
- Naumov, Anatolii V. 2013. "The content and limits of the modernization of the concept of punishment (in the context of history and modernity)". *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* 3 (82): 40–43. (In Russian)
- Pavluhkhin, Anatolii N. 2018. "The goals of punishment and the possibility of achieving them in Russian criminal law". *Zakon i pravo* 5: 95–101. (In Russian)
- Pavlushkov, Aleksandr R. 2014. "Implementation of the principle of justice of punishment in Church, secular and traditional law". *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* 4 (87): 53–58. (In Russian)
- Plaksina, Tatiana A. 2018. "The practice of sentencing for particularly serious crimes against life in the Russian Federation: state and trends". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 433: 199–206. (In Russian)
- Popova, Tatiana V., Anna S. Kalashnikova 2018. "Scientific and practical recommendations for the prevention of emotional burnout in judges". *Psikhologiya i pravo* 8 (1): 119–127. (In Russian)
- Rarog, Alexei I. 2013. "Legislative attacks on the foundations of criminal law". *Gosudarstvo i pravo* 1: 24–32. (In Russian)
- Smith, Adam. 1997. *The theory of moral sentiments*. Rus. ed. Moscow, Respublika Publ. (In Russian)
- Sorokin, Vitalii V. 2019. "Principles of legal responsibility: new criteria for classification and subordination". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 33: 15–25. (In Russian)
- Stepanenko, Diana A., Liudmila I. Lavdarenko. 2017. "To the question of the vector of development of Russian criminal justice". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 11 (2): 388–397. (In Russian)
- Urazgildeev, Bashir T. 2017. "Fundamental aspects of criminal punishment". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 11 (3): 542–550. (In Russian)
- Vinogradov, Pavel G. 1915. *Essays on the theory of law*. St. Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo A. A. Levenson Publ. (In Russian)

Received: April 30, 2020

Accepted: September 2, 2021

Author's information:

Tatyana I. Egorova — PhD in Law; madamti62@yandex.ru